

The background image shows a woman with long blonde hair kissing a young child on the cheek. They are on a wooden staircase with several lit candles on the steps. A small dog is sitting on the top step. In the bottom left corner, there are several stacks of US dollar bills. The overall atmosphere is warm and intimate.

Марина Хробот
Мое наследство

*Женский детектив,
мелодрама*

Марина Хробот
Моё наследство

«Автор»

2020

Хробот М.

Моё наследство / М. Хробот — «Автор», 2020

До двадцати семи лет Настя жила обычной жизнью незамужней девушки в семье со средним, даже ниже среднего достатком. С пяти лет Настя сильно хромала, что негативно сказывалось на её общении с мужчинами. В перспективе у молодой женщины вырисовывалась скучная жизнь старой девы, на которой мог жениться только мужчина, желающий получить московскую прописку. **НО!** Умерла Настина тётя и оставила ей потрясающее наследство – квартиру в центре Москвы, одежду на несколько десятков тысяч долларов, счета в трёх банках и картины. А так же многое другое, о чём Настя узнала не сразу... И начались опасные приключения.

© Хробот М., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	25
Глава 8	28
Глава 9	31
Глава 10	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Марина Хробот

Моё наследство

Глава 1

Начало

Однажды в детском садике в нашу группу принесли на полдник стаканчики не с одним, как обычно, соком, а с двумя и предложили нам, детям, выбрать – вишнёвый или виноградный. Стаканчики быстро разобрали и передо мной, четырёхлетней, на столике остался поднос с двумя стаканами сока разного цвета: тёмный и светлый.

И тут я «зависла». Выбрать без подсказки родителей или воспитательницы не могла... Подбежавший толстый Ванька выпил вишнёвый сок, и у меня не осталось выбора – виноградный.

А после того, как я стала инвалидом в пять лет, неудачно сломав ногу, я полностью сняла с себя обязанность что-то решать. И нормально себя чувствовала до 27 лет.

Но!

Умерла моя тётя. От передозировки героина. То есть к этому всё и шло, слишком богемную жизнь она вела.

Тётя Катя в свои сорок лет выглядела на двадцать восемь. Не высокая, хрупкая, с большими сиреневыми глазами, с бровями и овалом лица киногероинь начала двадцатого века. Модная художница, она почти всегда носила воздушные шелковые одеяния и тяжелые серебряные браслеты на тонких руках, или одно кольцо с таким крупным бриллиантом.

Считалось, что она полностью там, в искусстве. При одном виде Катерины удачливые мужчины втягивали животы и доставали пухлые портмоне, желая облегчить жизнь нежной бабочке с мечтательным взглядом.

Пейзажи тёти Кати шли в салонах, в том числе и её собственном, на Таганке, «на ура». Тётя рассеянно брала деньги за свои прозрачные картины. Казалось, она даже не знает, сколько ей дали денег и за что.

Вот всё это было сплошным, досконально и творчески продуманным обманом.

Тётя Катя имела богатых любовников, идеальную по планировке и дизайну квартиру в районе Кутузовского проспекта, на Студенческой улице и счета в трёх банках. Дачей её был особняк, обставленный антиквариатом, а заработанные деньги она аккуратно пересчитывала, записывая получившуюся цифру в специальный реестр.

Я это знала. Я была её любимой игрушкой. Меня она не стеснялась, говорила всё, как есть, хотя следовать её путём никогда не советовала. У нас сразу возникло абсолютное взаимопонимание.

Только с наркотиками оказалось сложнее. Когда её «припирало», или точно было известно, что сейчас привезут дозу, тетя Катя выгоняла меня из своей квартиры.

Ещё учась в институте, я пару раз заставляла Катю под сильным кайфом и она, от щедрот своих, желала меня «угостить». Ей хотелось поделиться своей радостью именно со мной, по её мнению, ущербной.

Приходя в себя, она просила прощения, умоляла не говорить о своём очередном «косяке» моему отцу, её родному брату, и никогда не поддаваться ни на чьи уговоры попробовать наркотики. Это было совсем не трудно, я далеко не самый тусовочный человек, да и не так часто меня куда-либо приглашают или чем-то угощают. Я, ведь, хромая и поэтому перекошенная при ходьбе, а смотреть на инвалидов неприятно. Ну, мне-то точно.

Ближих родственников у тёти Кати было двое – мой отец, то есть её старший брат, и я, любимая единственная племянница. Остальных «дальних» Катя не привечала.

Мою маму Катя за личность не считала. Мама платила ей тем же. Но при известии о смерти Кати долго плакала, обзывая её красивой идиоткой.

На отца было жалко смотреть. Я даже переехала к нему в квартиру Кати на два дня. Он бродил, натываясь на предметы, пытался организовать похороны и платил столько, сколько спросят, хотя необходимо было торговаться – денег, как всегда, было в обрез.

Нам помогали. Приехал Григорий, официальный любовник тёти Кати, и человек пять мужчин художественного вида. Трое морщили лбы под бритыми черепами, двое красивыми жестами откидывали длинные волосы. При этом были искренно расстроены, и давали маме деньги. Именно она организовала похороны.

Тётю Катю похоронили на Троекуровском кладбище, среди известных людей, упокоенных на длинных пустых аллеях с мраморными памятниками.

Во время поминок Григорий, всегда выглядевший для серьёзных переговоров, одетый в привычный серый костюм-тройку, явно присматривал за гостями и нами – боялся за сохранность ценностей в квартире. А в квартире было, на что положить глаз – дорогие картины по стенам, статуэтки мейсенского фарфора в технике «бисквит», серебряные столовые приборы и многое другое. Мелкое, но дорогое.

Мама суежилась с организацией застолья, накрыла красивый стол, вовремя выставляла бутылки с водкой и минеральной водой, подкладывала закуски и плакала в нужные моменты при тостах соратников Кати. Ей хотелось показать отцу, что она ему необходима. Отец смотрел на происходящее пустыми глазами. Не стало любимой сестры, а от мамы он ничего хорошего пока не ждал.

Он пока не был готов к ней вернуться. Ссора родителей три года назад и стремительный развод до сих пор была большой темой нашей семьи.

Я единственная дочь у своих родителей. Они настолько разные люди, что их неровные края особенностей характеров за много лет совместной жизни, сошлись и срослись. Развод рвал по живому.

Мой отец, как и тётя Катерина, поразительно красив. Мама увидела отца в первый день занятий на курсе промышленное и гражданское строительство Инженерно-строительного института. И целый год ходила за ним хвостом.

Мама напрашивалась к однокурсникам на вечеринки и дни рождения, «случайно» натывалась на него три раза в день в институтских коридорах. Ей нравилось всё, что он делал – как сидел на лекциях, читал, ел, и объяснял ей сопротивление материалов, в котором она понимала больше, чем отец.

Моя мама невысокая, коренастая, плотная, нос картофелиной, пальцы короткие. Как она уговорила папу переспать с собой – не знаю. А уж когда они объявили родственникам и знакомым о близкой свадьбе, ответная реакция, особенно в институте, была настолько сильной, что мама опасалась есть в студенческой столовой. А вдруг сокурсницы из зависти отравят?

Родом из Твери, мама, воспитанница детского дома, отхватила самого красивого в институте парня из хорошей семьи, умницу, москвича, да ещё и с большой квартирой в центре столицы.

Тогда ещё были живы мои бабушка с дедушкой по отцовской линии. К появлению мамы они отнеслись философски, и с радостью переложили на неё домашние хлопоты, переехав жить на дачу в Подмосковье.

Дача строилась на тот момент лет десять, и достроила её только Катерина. Бабушка с дедушкой не считали, что их дети исключительно красивы. Самым красивым существом на свете они считали меня.

Тётушка Катя с самого начала не желала мириться с присутствием в квартире на Кутузовском проспекте моей мамы. Она не разрешала маме дотрагиваться до своих полотенец, отдельно клала свои чашку, вилку, ложку, семь тарелок и губку для мытья посуды. Катя разделила комнаты, коридор и кухню мелом на две части, полдня корячилась, стараясь сделать линию ровнее, и запретила матери заходить за намеченную границу.

Мама терпела долго, но, родив меня, получила диплом, собрала вещи и уехала в Тверь, в комнатку в коммуналке, положенной ей от государства. Отец рванул за мамой, которую, по моему, любит до сих пор. Бабушка с дедушкой очень огорчились, узнав о Катином домашнем терроризме. Не найдя поддержки у родственников, Катя позвонила в Тверь, и попросила прощения.

Катя не любила маму потому, что любила брата, потому, что ни одна женщина, по её мнению, не была достойна его... Но таково мнение большинства матерей в отношении своих сыновей и любящих сестёр в отношении своих братьев.

Мама, взяв коляску со мной, вернулась в Москву. Через два месяца трёхкомнатная квартира, красавица с потолками под четыре метра, разменялась. Нам с мамой досталась полуторно комнатная «хрущёвка». Бабушка с дедушкой махнули рукой на семейные раздоры своих детей, и переехали на дачу окончательно, достроив к тому времени камин и половину второго этажа.

Зато Катя орала в голос, что она как родилась на Кутузовском проспекте, так здесь и останется. Заняла у всех знакомых денег и купила квартиру на Студенческой улице, в шестизэтажном доме постройки тысяча девятьсот тридцать шестого года, с потолками три двадцать и паркетом пятидесятых годов. Бабушка с дедушкой были с нею полностью согласны и дали денег, отложенные со своих пенсий. Дедушка у меня был академиком, что-то в области физики, расчёты приземления космических объектов. Бабушка работала в теплице на Рябиновой улице, выращивала цветы и огурцы.

Бабушка с дедушкой не дожили полгода до моего пятилетия с разницей в два месяца.

На следующий день после моего пятого дня рождения я, пока мама мыла посуду, а папа отлёживался в гостиной с похмельным синдромом, встала на широкий подоконник и, походив по нему, прорвала марлю от комаров и выпала в окно со второго этажа. Это был второй этаж нашей подмосковной дачи, равный третьему стандартной панельки. Насмерть я не разбилась, но левая нога сломалась в двух местах, в том числе и в колене.

У детей всё заживает быстрее и качественнее. У меня срослось неправильно. Сделали две операции – не помогло.

В семь и девять лет мне сделали ещё несколько операций. Стало немного лучше, но я осталась хромой с почти негнувшимся коленом. И мама, и папа винили во всём только себя, оправдывая друг друга. Мне нравилось, что они не ругаются, выясняя кто виноват. В больницах я видела ссоры родителей, доводившие до развода и психологический шок у травмированного ребёнка.

Денег не хватало постоянно, хотя жили мы как большинство семей. Мама экономила на электроэнергии, на своей парфюмерии, папиных «чекушках» и моём мороженом. Папа всё время чинил старый «Пежо», не надеясь заменить его на новый автомобиль.

Но жизнь не стоит на месте. После двадцати лет работы прорабом на стройке, с матюками в сторону рабочих, в ватнике зимой и в майке летом, мама устроилась на хорошую должность. Начала делать карьеру в своём строительном управлении и... загуляла. Завела роман с высоким начальником из министерства. Начальник через полгода плюнул на маму со своего высокого поста, и продолжал жить с толстой и крикливой женой, а мама осталась без мужа.

Отец не смог простить измены с неинтересным и непорядочным человеком. Тётя Катя после размена квартиры пустила брата жить к себе, и смеялась над ним в голос, не стесняясь меня.

Заканчивая школу, я очень хотела пойти работать в банк или в библиотеку, но Катя заставила меня поступить в Строительный, по стопам родителей. Она сразу оплатила первый курс, отрезая пути к отступлению.

Я начала учиться в Московском Строительном Университете, а Катя тем временем закончила Строгановку. Училась она лет семь или восемь. Сумела за это время не только переспать почти со всеми сокурсниками и преподавателями, но и взять в банке приличную ссуду и приобрести в длительную аренду помещение, переделав его в художественную галерею в районе Таганки.

Так начинался Катин финансовый взлёт. У российского народа появились стабильные деньги, и они вкладывали их во всё, что продавалось. Стало модно вешать на стены настоящие картины, а не офисные постеры. Иностранцы приобретали абстракцию, наши люди чаще всего хотели видеть в доме добротные произведения в стиле «реализм» – пейзажи, родники, деревеньки в снегах и кисти прозрачного винограда на заборе в летний день. Катя сказала: «Вам хочется картин... Их есть у меня».

Она поставила производство картин на поток. Брала фотографии или видовые открытки, списывала пейзаж и втискивала в него деревянную разрушенную церковь или старый домик с цветущей во дворе сиренью и мокрым бельём на провисших верёвках. Основную композицию делали Катины однокурсники. Собачек, кошек или косяки перелётных птиц рисовал папа. В нашей семье все умеют рисовать, в той или иной степени. Он с удовольствием ушел со стройки, где ему надоело кричать на рабочих.

Затем начался строительный бум и папа, прекратив художественную деятельность, снова пошел работать прорабом на стройку, пугая приезжающие комиссии своим аристократическим видом, отменными манерами и речью без привычных непереводаемых идиоматических выражений.

Катя продолжала руководить рисовальным процессом, выдавая в месяц по два десятка «произведений».

Папа у Кати денег просить не мог. Мама у неё просто не взяла бы, а я постоянно ныла, выпрашивая то десятку, то сотню долларов на новое платье или джинсы. Катя была патологически жадной, но мне она деньги охотно давала исходя из своего комплекса полноценности, перед моим – неполноценности.

Мне повезло, у нас с Катей один размер ноги, так что со спортивной обувью у меня проблем не было, а в другой я не ходила. Для себя Катя покупала обувь еженедельно и иногда забывала, какие фасоны уже приобрела. Телом я поплнее, и Катина одежда не сходилась на мне, даже если сильно вдохнуть и «держать талию».

Глава 2

Завещание

Так вот. Катя умерла. Я девять дней заходила в горестных рыданиях. Затем было обнародовано завещание.

При его оглашении, происходившем в роскошной квартире Кати, присутствовали папа с мамой, Григорий, какой-то дальний знакомый, которого видели на похоронах Кати, и я – в качестве массовки.

Высокий мужчина с безвольным дворянским лицом и брюшком купца, дождался пункта: «Саше, моему однокурснику, достаются три картины, написанные мной», – и потерял к происходящему интерес.

Папа надеялся получить дачу, не более того, и, устроившись в глубоком кресле, тихо листал новости в планшете, Мама сидела «для компании». Она знала Катину ко мне отношение, и была полна решимости при том небольшом наследстве, что мне могло достаться, отстаивать наши интересы до победного конца.

Григорий покачивал ногой и вертел в руках зажигалку. Он был единственным курящим в собравшейся компании, смотрел на читающего завещание юриста скучающе уверенно и даже достал из кармана джинсов пачку сигарет, чтобы вскоре выйти на лоджию и закурить.

Катя в завещании вспомнила какую-то тётю, осчастливив её «вазой напольной, ручной работы» и ещё своими тремя картинами. Двоюродному брату, Игорю, тоже достались три картины. Как бы я и папа не относились картинам, но на вернисажах они продавались по штуке баксов.

Взрыв эмоций произошел через минуту.

При дальнейшем чтении оказалось, что дача, двухэтажная, с подземным гаражом, с участком в двадцать соток и наземными постройками досталась папе. А всё остальное – мне. Всё! Квартира, автомобиль, картины, драгоценности, фарфоровые статуэтки по цене веса серебра и даже любимая собака, йоркширский терьер, которая сидела рядом с моими ногами и наблюдала за всеми сквозь длинную чёлку.

Моя мама при известии юриста замерла, вцепившись в сумочку. Папа поднял брови, отложил планшет и опустил глаза.

На Григория было неприятно смотреть. Он уронил на ковёр зажигалку. Шепотом попросил перечитать последние два абзаца. Юрист, мужчина лет под шестьдесят, неизвестно откуда выкопанный Катериной, бесстрастно перечитал последнюю часть завещания. Там ещё был пункт о банковских счетах. Они тоже были завещаны любимой племяннице.

Важный вальяжный юрист в очень приличном костюме, привстал из-за тяжелого стола восемнадцатого века, и протянул завещание мне. Мама его, естественно, перехватила. Правильно сделала, я не могла шевельнуть рукой, и тупо рассматривала у своих ног узор персидского ковра, дорогого, настоящего, из Средней Азии.

Григорий протянул руку, проямлил:

– А как же... моё... юродивая наркоманка, шлюха...

Папа резко повернулся к нему, и Григорий перестал бормотать оскорбления в адрес покойной Кати. Он только прошипел слово, и я поняла какое, по реакции собаки. Йоркширка приподняла мордочку, прислушиваясь к своему имени. Катя назвала её в честь себя – Стервой.

Вот в этот день я перешла со слез печали на слезы печали и радости. Вечером родители разъехались по своим домам. Мама в «хрущёбу», папа на дачу.

Конечно, мама не хотела уезжать и оставлять «несмышлёную девочку» двадцати семи лет отроду одну. Папа заставил маму уехать.

Я люблю маму, но жить с нею тяжело. Она слишком властная. К тому же большая проходная комната в двадцать квадратов и совсем маленькая, девять, в нашей «хрущёвке» не дают ощущения свободы. Я смирилась с неудобной квартирой, но к хорошему привыкаешь моментально, поэтому, как только родители уехали, я почувствовала, что Катина квартира моя. Моя! Несмотря на то, что здесь погибла любимая тётя.

Квартира роскошная. Две с половиной комнаты – гостиная и спальня с отделённой аркой алькова спальни. В ней стоит второй диван для гостей и кровать с водяным матрасом. Катя спала именно здесь.

На стенах гостиной висели яркие картины русских художников начала двадцатого века, стояла мебель в стиле модерн, в которой не было ни одного прямого угла, только закруглённые и за это, я вечно спотыкающаяся на большую ногу, её особенно люблю.

Большая кухня-столовая с коллекцией разделочных досок по стенам – расписных, резных и фарфоровых, с современным гарнитуром и старинным буфетом девятнадцатого века.

Ванная комната с белой треугольной джакузи и светло-серым гарнитуром под мрамор.

Ещё мне достался гардероб с вещами, без которых можно прожить, но с другой стороны необходимые вещи. Необходимые для того, чтобы почувствовать себя Женщиной, и снять лишние комплексы.

Есть такая притча. Старик булочник спрашивает моряка, почему тот не боится каждый день отправляться в море, ведь в нём погиб его отец, его дед, его прадед. Моряк спрашивает булочника: «А где умер твой отец?» «В кровати». «А дед?». «В кровати». «А прадед?». «В кровати». «Так почему ты не боишься ложиться спать?»

Вроде бы, не очень похоже на мой случай, но, с другой стороны, в старых домах умирали один за другим дряхлые или, наоборот, молодые родственники, и никто по этому поводу дома не бросал. Значит, у меня теперь есть полноценная семейная наследственная квартира.

Я всегда мечтала иметь такую квартиру, такую собаку, такую машину, такую мебель, такие пятьдесят пар обуви, такие драгоценности. Я была почти счастлива. Жаль только, что не было Кати.

Катя была расчётлива и скупа, но она любила меня, а терять человека, дорожащего именно тобой, всегда очень тяжело, даже если ты не отвечаешь ему взаимностью. Но я Катю любила. И даже немного жалела. При всей её красоте и деньгах, чего-то в ней не хватало. Наверное, того, что есть в моём отце – безоглядной порядочности.

На работе я написала заявление об отпуске за свой счёт. На нашем железобетонном комбинате, где я заведовала административно-хозяйственным отделом, горем прониклись, и предложили написать заявление без конкретной даты выхода. То есть когда почувствую, что пора на работу, тогда и выйду.

Острого желания осчастливить своим появлением проходную Комбината железобетонных конструкций я пока не испытывала, поэтому занималась тем, что потихоньку перевозила в подаренную квартиру свои вещи от мамы и осваивала новый автомобиль «БМВ» голубого цвета.

Еще появилась особая забота – крохотная Стервочка.

Через три дня двухразовых гуляний с собакой вокруг окрестных домов, со мной стали здороваться молодые мамочки с малышами в колясках и старушки, считающие, что их ежедневные неспешные прогулки вернут им потерянные в жизни молодость и здоровье.

Особую касту составляли собачники. Часто можно было услышать, как они обсуждали ссору молодоженов – тех, из двадцать седьмого дома, у которых серый дог. А у Ивановых появилась вторая спаниелька, вроде бы элитная.

Собачники по утрам выбегали с четвероногими мучителями на несколько минут. Вечером они, наоборот, степенно выгуливали предмет своей гордости, здороваясь со знакомыми, и подолгу сидели в сквере, обсуждая в каком магазине собачье питание дешевле и где можно подороже продать щенков.

Два раза в день я здоровалась с огромной пожилой тёткой, выгуливающей облезлое и перекормленное животное рыжего окраса, смутно напоминавшее пуделя. Стерва и пудель были знакомы. После дежурного «здравствуйте», я сразу же прибавляла шаг, уходя в сторону. Мне казалось, что стоит остановиться на мгновение, и тётка сразу же начнёт жаловаться на погоду, политику и небольшую пенсию.

Особенную радость на прогулках при встрече с нами испытывали собаки. Стерва хороша тем, что рядом с ней любой пёс, даже самый плюгавый, чувствовал себя полноценным зверем. Рядом со мной тоже любой неудачник или пьянчужка мнит себя Казановой. Зря, я хоть и хромая, но считаю, что ещё ничего, могу... если захочу...

Глава 3

Уговорная квартира

Прошло две недели после похорон тёти Кати, и я решила сделать решающий заход – перевезти из маминой «хрущобы» последние книги и остатки вещей в свою квартиру.

Мама обиженно перевязывала пачки книг. До переезда она постоянно говорила, что жить вместе с взрослой дочерью в наших условиях невозможно, а теперь второй день дулась на меня, как мышь на крупу.

Стерва, кивая новым позолоченным бантиком, закреплённой на длинной чёлке, влезла в коробку и укусила коричневый, тиснёный золотом том Гийома Аполлинера. Она получила шлепка по мохнатой попе и взвизгнула. Мама тут же взяла Стерву на руки, утешать... В дверь позвонили. Мама пошла открывать и вернулась с Григорием.

В Катиной квартире он смотрелся гармонично, но в нашей «хрущ ёбе» он выглядел молодым премьер-министром из семьи потомственных миллионеров, навещающий землянки простых шахтёров. Григорий встал посередине комнаты, посмотрел на книжные полки, на стопу белья в углу дивана.

– Надо поговорить насчёт Катиной квартиры.

Мама поставила Стерву на пол и плотно уселась в кресло, не собираясь его покидать. Григорий сделал полупоклон в её сторону и присел на диван.

– Я хочу купить у вас квартиру Кати. – Сказал Григорий и выставил вперед указательный палец. – Между прочим, половину стоимости именно я подарил Кате. Мне нравится район... и вообще я привык туда ездить. Всё остальное остаётся Насте. Я дам высокую цену, вы сможете поменять вот эту халабуду на нормальную трёхкомнатную квартиру, и еще останутся деньги. Твоя мама, Анастасия, женщина относительно молодая, мало ли как жизнь обернётся.

Я сидела на корточках около коробки с книгами. То есть одна нога была на корточках, а вторая, не сгибающаяся, отставлена в сторону.

– Двести тысяч евро. Подумайте, сумма не маленькая. Перезвоню вечером.

Я шлёпнулась на пол, больно ударившись попой.

Григорий встал и вышел из нашей квартиры, оставив после себя запах дорого одеколона, мокрые следы дорогих туфель на ламинате и шлейф брезгливой ненависти.

Но двести тысяч евро! Это не хухры-мухры.

Мама потёрла виски пухлыми пальцами.

– Надо позвонить отцу. Пусть он думает.

Отец скептически выслушал наши с мамой восторженные предположения по трате денег.

– Почему он собирается купить квартиру, которую сам помог купить ей? Катя не хотела отдать её ему. Не нравится мне это. Вы Григорию пока ответ не давайте, посмотрим, что получится.

Может быть папа прав. Я лично оказалась в растерянности. Вообще-то я часто бываю в растерянности, но у меня есть родители и они решают за меня всё. Почти всё – шампунь и зубную пасту я покупаю сама.

Мама решила послушаться бывшего мужа, и посоветовала сегодня отключить в Катиной квартире телефон, чтобы Григорий не смог уговорить меня получить деньги завтра же.

Пока я укладывала в свой голубой «БМВ» ящики с вещами, мама позвонила папе и опять завела свою бесконечную песню об экономии. Она предложила нам обеим переехать в Катину квартиру, а «хрущёвку» сдавать. Или, наоборот – сдавать Катину квартиру, за неё больше бы дали.

Папа выслушал маму, как всегда спокойно, только уточнил:

– Нина, в квартире Кати обстановка тысяч на триста евро, не считая картин. Ты кого собралась туда пускать? – Мама нервно гладила крохотную Стерву и не отвечала. – Ты не сердись, но дай ребёнку впервые в жизни пожить самостоятельно.

– Вот этого я и боюсь. – Ответила мама.

Думаю, маме тяжело смириться с тем, что дочь, всю жизнь сидевшая на шее родителей, внезапно стала обеспеченным человеком. А это действительно так. Даже когда мама устроила меня завхозом в заводоуправление, я получала мизерную зарплату. И вдруг, ни за что, на меня свалилось наследство, да ещё от Кати, которую мама не уважала.

В тётиной квартире я оставила всё без изменений. Не с моим инженерно-строительным образованием менять то, что сделала женщина с великолепным художественным вкусом. Только сожгла коврик из коридора, на котором умерла Катя. Вынесла его на отгороженную помойку за домом и подожгла.

Как рассказал Аркадий, соратник тёти по производству художественных ценностей, в тот злополучный вечер у Кати происходил очередной богемный сабантуйчик. Все здорово упились и обкурились, а Катя ещё и вкололась. В два часа ночи Катя решила повторить дозу. Она ушла на кухню и, по врождённой жадности, вколола себе не дозу, а полторы. Или она забыла, что сегодня уже приняла норму, или по пьянке решила, что проскочит...

Когда после укола ей стало плохо, она смогла доползти с кухни до прихожей, и вышедшему к ней Аркадию сказала: «Перебрала, дура». Вызвали «скорую», но уже было поздно. «Скорая» вызвала полицию. С Катей остался только Аркадий. Остальные, откупившись от медиков и полиции, уехали домой.

В гостиной у Кати висели работы Натальи Гончаровой, Александра Куприна, Аристарха Лентулова и две неоконченные картины Кузьмы Петрова-Водкина. Свои картины Катя не любила, называла их открытками.

Не знаю, почему одна картина висит над столом директора продовольственного магазина, и стоит тысячу рублей, а другая радует глаз в музее и стоит в районе миллиона. У меня свой критерий для оценки картин – нравится, не нравится. Кузьма Сергеевич Петров-Водкин мне нравится. Даже не дорисованный, в эскизе.

Я с удовольствием ночевала одна в подаренной квартире, но сегодня настроение было такое... тревожное, что ли? Мне хотелось увидеть Милу, мою подругу, но она соглашалась приехать в гости только вместе с воздыхателем Шуриком, – а точнее, с Шуриком, по которому вздыхала именно она. А Шурик, любитель шумных компаний, обязательно притащит за собой ещё кого-нибудь, например, приятеля Леонида. Шурику стоит поддаться один раз, и приличные апартаменты превратятся в караван-сарай, не отмываемый никаким «Доместосом».

До часу ночи я смотрела телевизор, ела диетическое печенье «Крекер» и пила «Мартини». «Мартини» тётя Катя, а так же анисовой водкой, затарилась основательно, по двенадцать бутылок. При разумном использовании, запаса хватит до Нового Года. А сейчас только конец сентября.

Стерва занималась любимым делом – стащила с моей ноги тапку и трепала её, рыча тенором. Наказывать Стерву было бесполезно. Размером она меньше стандартной кошки, а упрямства в ней на целого осла.

Сегодня я впервые решила спать не в гостиной, а в кровати Кати. Засунув под подушку записки со всеми известными мне мужскими именами, я прошептала:

– Сплю на новом месте, приснишь жених невесте! – и легла на водяной матрас, обхвативший меня с трепетом и нежностью.

Утром в гости пришел Григорий. Коротко позвонив, он открыл дверь своим ключом. Автоматически, как у себя дома, повесил пальто в шкаф прихожей, поменял туфли на тапки, прошел в спальню и сел в кресло на гнутых ножках, обтянутое английским ситцем в приятных глазу пёстрых цветочках. Опять крутил в руках зажигалку, на меня не смотрел.

– Настя, есть отличное предложение. Двухкомнатная на пятом этаже, переезд оплачиваю я, и даю двести двадцать тысяч в придачу. Позвони маме, посоветуйся.

Мне спрросонья было не до общения с надменным Григорием, больше волновал вопрос «суженого», а для этого надо было достать из-под подушки записку с именем. При взрослом мужчине предаваться подобным детским забавам неудобно, но записку под подушкой я всё-таки нащупала. Развернула...

Я что, вчера слишком спать хотела? Что это за имя – Сигизмунд? Совсем я себя не люблю, если такое смогла такое написать. Настроение упало. Григорий всё бубнил о квартире и деньгах, обсуждая вопрос переезда. Он решил, что обмен мы уже обговорили.

– Григорий, но меня больше всего устраивает первый этаж. Если лифт ломается или электричество вышибится, то мне необходимо будет забираться по лестнице. Э-эй, Григорий! – Мне пришлось прицелкнуть пальцами, привлекая его внимание. – Не с моей ногой делать альпинистские восхождения.

Григорий смотрел в сторону спального алькова, видимо, что-то вспоминая, и заговорил тоном барина, объясняющего бестолковой дворовой девке алфавит.

– Настя, в тех домах, о которых я говорю, есть собственные подстанции, и лифты там не ломаются.

Ой, не нравился мне сегодня тётин приятель! Дёргается, смотрит в сторону, врёт. Но в чём врёт?.. Мутный разговорчик получался. Он ведь хронический жмот. А тут такая щедрость...

Я набрала мамин телефон.

– Аллю, мам, ставки растут. Григорий снова предлагает денег.

Мама молчала. Я слышала, как она барабанит пальцами по столу. Григорий усиленно смотрел на полосатые обои гостиной. Мама наконец-то ответила мне:

– Знаешь, Настя, мы сегодня с тобой к Илье, двоюродному брату твоего отца, приглашены, ему полковника дали, вот там и поговорим. Передавай Григорию привет, и отсылай его... до завтра. Лучше всего надеть скромное чёрное или однотонное платье, все цацки сразу на себя не навешивай, а только самый дорогой бриллиантовый гарнитур...

– Хорошо, мама. – Я отложила телефонную трубку, и Стерва лениво куснула её, как и все предметы, попадающие ей под мордочку. – Григорий, мама сказала, что мы завтра дадим ответ. Сегодня идём к дяде Илье, ему дали очередное полицейское звание, надо отметить.

– Завтра?

Григорий из всего разговора услышал только это слово. Резко встав, он ушел. Просто встал, и без «до свидания», или «пока», ушел из квартиры, вытащив по пути плащ из шкафа. Совершенно на него не похоже. Или он всегда был показушно воспитанным, а я не замечала?

Хотя, если б у меня оттяпали нужную квартиру, я бы и улыбаться не смогла... А, может, Катя бравировала перед знакомыми богатым любовником, и сама спонсировала покупку?.. Может быть. С Катей всё могло быть.

Глава 4

Дядюшкино чинопрзднование

Закрыв за Григорием обе стальные двери, я поняла что он не услышал, о сегодняшнем походе с поздравлениями новоявленного полковника полиции, ему это не важно, а вот для меня это событие из ряда вон выходящее.

В гостях у двоюродного брата моего папы мы бываем раз в год, на его день рождения. Меня к ним приглашали из жалости, всё-таки инвалидка. Я не люблю ездить туда из-за Андрея, сына дяди Ильи и тёти Маши. В детстве он мне постоянно хамил, а в последнее время разговаривал как с неизлечимо больной... умственно больной.

Теперь мама решила похвастаться наследством. И я её понимаю. Мне тоже хочется показаться в платье за штуку евро, с бриллиантами на шее и на руках. Я уже прикидывала, какое из Катиных платьев сможет на мне застегнуться, и как будет смотреться колье. Платиновый витой «ошейник» в шесть рядов и спускающиеся с него короткие ажурные семнадцать подвесок с бриллиантами Уже примеривалась надеть его на себя... Но Стерва кротко твякнула, и скосила вишнёвые глазки, призывая к сочувствию... Блин, надо её выгулять, неизвестно, во сколько закончатся мои показательные выступления на дне рождения дяди.

Погода была «так себе». Идти далеко с собакой не хотелось и я, дождавшись, когда Стерва оросит газон с зелёной травой и желтыми листьями, давать команду «домой». Но моя поднятая рука замерла.

Правее, у высокой ограды, в кустах сирени курил парень, рассматривая окна моего подъезда. Высокий, со светлыми волнистыми волосами до плеч, стройный, почти худой – то есть мой любимый размерчик...

Парень повернулся, и сердце моё ёкнуло. Не дай Бог в такого влюбиться. Правда, глаза у него голубые, а я больше люблю тёмные, но такое дивное творение природы трудно испортить... И чего стоять и пялиться на него? Никогда на меня красавцы-мужчины не обращали внимания... и может быть оно и к лучшему, голову терять не хочется. Нет! Хочется! Очень хочется! Но опасно. Для меня.

Позвав Стерву, начавшую копать ямку около песочницы, мы благополучно вернулись в квартиру.

В семье дяди Ильи на меня всегда мало обращали внимания. Только тёти Машина подруга, которая появлялась на каждом празднике с мужем-полковником, в этот раз сначала смотрела на мои кольца и колье со снисходительной брезгливостью, а потом, когда тётя Мария, сминая свой необъёмный бюст о её плечо, прошептала что-то ей на ухо и кивнула на новую, завешанную Катей картину на стене, явно расстроилась, рассматривая семнадцать бриллиантов в моём колье...

Папа на дни рождения к родственникам не ходил принципиально. Но мама, воспитанная в детском доме, дорожила родственными связями и воспринимала папиных братьев и сестёр, как родных.

В фужер с водкой упала офицерская звёздочка, мужчины в штатском, с военной выправкой, встали, женщины выпили сидя.

Мило и скромно улыбнувшись, я пригубила шампанское и отставила бокал. Я не против выпить дома, но без свидетелей, сидя в удобном кресле. После полстакана водки меня ноги

не держат. Колени начинают работать не синхронно, и я падаю, если, конечно, не держусь за стенку, что тоже не доставляет особой эстетической радости ни мне, ни собутыльникам.

Троюродный брат Андрей не рвался со мной общаться, но посматривал раз в пять чаще обычного. Интересно, с ним родители инструктаж проводили, или он сам такой сообразительный?

Гости устроили танцы и слаженно прыгали на ковре гостиной под маршеподобные заводные газмановские песни. Я скромно сидела около мамы, слушала словоизлияния гостей о сложностях в работе.

Дядя мой служит в полиции. Тётя Маша тоже работает в МВД, занимает должность невысокую, но тёплую, замещает заведующего аптекарским отделом. Сын Андрей в том же ведомстве дослуживается до крупно-звёздных погон в аналитическом отделе.

Мне гудёж с застольными песнями и напольными плясками быстро надоел. Я достаточно покрасовалась, посверкала глазами и бриллиантами, удивила знакомых и незнакомых тёток, так что пора было сваливать домой.

Мама уезжать не собиралась, ей было интересно со сверстниками. Мне в провозатые назначили Андрея. Я попыталась отказаться, но меня никто не слушал. Смешно. Сегодня меня провожают, а когда мы с мамой ковыляли по лужам или мокрому снегу после очередного показушного семейного юбилея, никому провожание в голову не приходило.

Андрей подержал мне пальто, вызвал лифт, помог сойти с лестницы. В новый «БМВ» я села сама.

На третьем светофоре я сообразила, что еду в сторону старой, нашей совместной с мамой квартиры, а не новой, наследственной, в нашу с мамой «хрущёбу» в Кузьминках, а не на Студенческую улицу.

Припарковавшись перед подъездом, я включила сигнализацию и посмотрела на окна первого этажа. Мне не понравился оттенок темноты за тюлем. Светловато. Может, я забыла выключить свет в ванной, двери которой обычно не закрывала, а может, мне только кажется?

Открыв подъезд, я осторожно начала подъём по лестнице на первый этаж, подняла голову и... остановилась. На верхней ступеньке, радостно глядя на меня, сидела йоркширка Стерва с голубеньким бантиком на челке.

Странно, не могла же я оставить Стерву вне жилищного пространства. Или могла?

Бедная моя собака, сколько же часов она здесь провела? Но тоже странно. Такую псинку как моя Стерва вряд ли бы кто оставил без внимания. Или сопрут, или пожалеют. Значит, я не заперла квартиру, и собака выбежала мне навстречу?

Как последняя тупица, я подёргала дверь квартиры и удостоверилась, что она стоит незыблемо запертой. Взяв Стерву на руки, я поправила ей бантик на чёлке и открыла дверь для немедленного своего успокоения... Хрена. Успокоения быть не могло.

Первое что я увидела, так это распахнутый шкаф в коридоре. Та-ак. И что дальше? Дальше было ещё хуже. В ванной горел свет. Честное слово, уходя я его выключала.

Нашарив справа от входной двери выключатель, я им щёлкнула... и вот она, первая, но самая достоверная неприятность. Ящики в мебели гостиной были выдвинуты, большая шкапулка с документами опрокинута. Расстегнутая незнакомая спортивная сумка стояла на полу.

Вспомнилась какая-то молитва, типа «убереги меня от напастей»... Не помогло. Войдя в гостиную, я увидела под окном, на полу незнакомое парня... Маленький, черноволосый, одет как старшекласник. С шеей у него было не всё в порядке. Как бы и не было шеи. Кровавое месиво.

И пятно на дорожном восточном ковре.

Не знаю. Наверное, надо было заорать. Или упасть в обморок. Или заорать, кинуться к телефону, и потом упасть в обморок. Наклонившись над парнем, я встретила с ним взглядом. Парень молча моргал.

– Потерпи, сейчас вызову врачей. Ты меня слышишь?

Парень несколько раз моргнул. Не выпуская с рук собаку, я набрала «112» и «03». Полиция и «скорая» приехали через пять минут. Две машины с мигалками.

К парню подбежали люди с носилками, и мне стало немного спокойнее. Не знаю, что парнишка делал в моей квартире, скорее всего, залез что-нибудь украсть. Но ведь кто-то решил его остановить – и сделал это с крайней жестокостью.

Собака заскулила, и это послужило знаком – нужно приходить в себя.

Глава 5

Кого и за что?

Я стояла в тени полуоблетевшей по случаю осени сирени, сжимала Стерву. Собака слегка дрожала, но молчала. Выждав ещё минут пять, я поставила Стерву на землю. Она залилась радостным лаем, наскоро пописала и рванула к полицейскому, задумчиво курившему у подъезда. У ног мужчины собака остановилась, и он с удивлением уставился на неё.

– Эт-то что за зверь неуставленной породы?

Я, прихрамывая, вышла из-за куста.

– Это йоркширский терьерка. Таких в Москве, наверное, полмиллиона. Нравится?

Пожилой полицейский растерянно оглянулся вокруг, считая заигрывания с ним, а также рядом с местом преступления, совершенно неуместными. Только моя хромота смирила его с неуставной формой его приветствия.

– Девушка, в этом доме произошел несчастный случай. Вы что-нибудь можете сообщить по этому поводу?

– Могу. – Я уверенно начала давать показания. – Возвратилась домой. Поднимаясь по лестнице, увидела свою собаку, которую несколько часов назад собственноручно заперла в квартире. В квартире, кстати, была включена сигнализация. Вошла. На полу гостиной лежал неизвестный мне парень, с повреждённым горлом. Пришлось вызвать вас.

Полицейский, разговаривая со мной в пол оборота, не надеявшийся услышать ничего вразумительного, но после первых слов развернулся всем корпусом.

– Давайте, девушка, пройдем в вашу квартиру, там удобнее показания записывать.

Я пожалала плечами, подхватила на руки Стерву, и пошла в подъезд.

– Меня Сергей Дмитриевич зовут, – проворчал милиционер мне в спину.

– Очень приятно. Настя, – оглянулась я.

По всей квартире горел свет. Раненного парня переложили на носилки, и врач оказывал ему медицинскую помощь. Вокруг сидели на корточках, ходили из комнаты в комнату, и просто стояли люди в форме и в штатском. Самым спокойным оказался оператор, он ходил, вцепившись в свою видеокамеру, и что-то бубнил под нос, плавно обходя мебель и криминалистов.

Сергей Дмитриевич крепко взял меня под локоть, подвёл к лежащему на носилках пострадавшему.

– Знаете его?

Сглотнув подступившую тошноту, я сразу же отвела взгляд.

– Нет. Второй раз вижу.

– Второй? А когда первый? – Оживился полицейский.

– Когда в квартиру недавно вошла, я же вам рассказывала. Что у него с горлом? Закройте, а то меня стошнит.

– Пулевое ранение, но касательное, не смертельное.

Медработники взяли на носилки и вынесли раненого парня.

Криминалист продолжил пачкать мою мебель серым порошком.

– Пойдем, Настя, в другую комнату, – оглядевшись, предложил полицейский. – Не будем здесь мешаться.

Пока Сергей Дмитриевич располагал на столе протокол допроса, я позвонила маме, оставшейся в гостях. Тётя Маша долго её не звала, расточая мне комплименты, по поводу того, как я похорошела. Ещё бы, какая женщина не похорошеет в отблесках бриллиантов. Я не отвечала, ждала, когда же тётя услышит моё молчание. Не сразу, но всё-таки она поняла.

– Что случилось, Настя?

– У меня в квартире раненый незнакомый молодой человек.

Тётя Маша охнула, телефонная трубка стукнулась о стол. Было слышно, как выключили музыку и затих гул весёлых голосов.

В другой компании я никогда бы не стала говорить о случившемся, не стоит тревожить людей своими проблемами. Но сегодняшние дядины гости были из тех самых органов, которые мне сейчас были жизненно необходимы.

Мама взяла трубку и взволнованно-пьяным языком начала расспрашивать.

– Кто? Где? Почему? Когда ты успела вляпаться?

– Мама, ты приезжай, а то мне страшно.

Мама ойкнула. Я не видела, куда она побежала после того как отдала трубку дяде Илюше, но уверена, что одеваться и спасать меня. Сейчас она не будет экономить денег на общественный транспорт, достанет последние деньги или напористо займёт у гостей, невзирая на должность и степень опьянения.

Дядя Илья откашлялся в трубку, почмокал губами и почти членораздельно спросил:

– Настя, у тебя какой округ, Северный?

– Нет, я ведь теперь в новой квартире. Дорогомиловский район.

– Ах, да. Тогда совсем хорошо у нас там Юрка работает. То есть он сейчас здесь. Ты дай нам к трубочке из ребят кого-нибудь, кто поближе.

Я обернулась на Сергея Дмитриевича, который сначала нетерпеливо постукивал ручкой по столу, а потом с пристальным вниманием начал оглядывать стены.

– Вас можно попросить к телефону?

Полицейский скроил лицо пациента перед креслом дантистом, но трубку взял.

– Майор Подвижников у телефона. Слушаю вас. – Лицо полицейского в один момент посуровело. – Поздравляю, Илья Александрович... Понял... Конечно... Понятное дело, всяко бывает... Здравствуйте Юрий Борисович... Ничего пока не ясно... Постараюсь... Обязательно доложу.

Сергей Дмитриевич осмотрел меня новым взглядом.

– Юрий Борисович кто тебе? Они там, в телефонную трубку, в два голоса орали, я не понял.

– Дядин друг. Вместе учились в полицейской академии.

Худой интеллигентный мужчина, жене которого я испортила настроение своим бриллиантовым гарнитуром – это и есть тот самый «Юрка». У него на лице была отпечатана академия. А вот на моём дяде образование практически не отразилось.

Следователь кашлянул в кулак, привлекая к себе внимание.

– А где ты работаешь?

– Завхозом на ЖБК, в заводууправлении.

Сергей Дмитриевич опять посмотрел на мебель и на стены, на коллекцию фарфоровых ажурных статуэток, прикидывая чего же такого можно было украсть на заводе, чтобы всё это купить. Строительные плиты машинами вывозить что ли? Я скромно потупила взгляд.

– Эта квартира, и всё что в ней – наследство. У меня пятнадцать дней назад умерла тётя.

– Слышал о твоей тёте, слышал. – Ворчал следователь. – Так, давай садись, начнём записывать всё заново. Откуда ты ехала? Куда?

Я села напротив майора, выставив больную ногу вперёд и поглаживая собаку, запрыгнувшую мне на колени. На заполнение протокола ушло всего полчаса. За это время пару раз заходили другие полицейские, шепотом докладывали Сергею Дмитриевичу о продвижении расследования.

Стервочке надоели мои нервные руки. Она спрыгнула с колен и носилась по квартире, подняв хвост и твякая на мужчин.

К концу допроса появилась мама. У входной двери она оттолкнула высоченного полицейского, метнулась ко мне, прижала к своей груди мою голову и гладила, гладила. Сергей Дмитриевич отвёл глаза. В коридоре заскулила Стерва. Мама, не оборачиваясь, крикнула туда.

– Мужики, осторожнее! Собака стоит тысячу долларов!

Высокий полицейский в дверях вытянулся, и даже поднял одну ногу. Мама оторвалась от меня, поймала Стерву, и села рядом с Сергеем Дмитриевичем.

– Майор, что произошло?

Полицейский сморщился от запаха спиртного, идущего от мамы, после юбилейного застолья и пробубнил: «Вам дочь всё расскажет», – встал и боком вышел из комнаты, стараясь ничего не задеть.

Мама немного обиделась на невнимание к её особе, потом взгляд её сфокусировался на бутылке «Мартини» на журнальном столике.

– Настя, тебе необходимо выпить, снять стресс.

Она быстро встала, взяла два высоких бокала, налила по половине.

– За то, чтобы у нас всё было хорошо.

После этого она залпом осушила бокал, со звоном поставила его на стекло столика, и сердито посмотрела на меня.

– Ты чего плачешь?

Я шмыгнула носом. До приезда мамы надо было держаться, стараться выглядеть молодцом, а теперь меня развело во все стороны.

– Приехала, а у него вот тут, на шее – кровяца. Жалко. За что его так?

Мама растерялась. Парня она не видела и переживала только за меня. Какой-то раненый грабитель... Оно ей надо? Но, представив, что женщина её возраста сегодня узнает о судьбе искалеченного сына, мама заплакала.

В комнате опять появился Сергей Дмитриевич, покосился на нас с сочувствием.

– Парня забрали, отпечатки сняли, можете начинать уборку, мы уходим. А тебе, Настя, хочу сказать – дело очень уж странное. Кстати, если б ты приехала на десять минут раньше, то могла быть замешана в разборке.

Тяжелый бокал с «Мартини» в моей руке выскользнул из мокрых пальцев и бомбой взорвался, упав на стекло журнального столика. Стекло столика пошло мелкими трещинами, литровая бутылка и мамин бокал провалились на пол. Бокал треснул, бутылка осталась цела.

Сергей Дмитриевич неодобрительно покачал головой и вышел, громко закрыв за собой входную дверь.

Мама смотрела на меня испуганным взглядом.

– Настя, кому мы перешли дорогу?

И у меня, и у неё возникло несколько предположений, в том числе и о квартире, но мы решили сегодня себя не накручивать, подождать завтрашнего дня. Хотелось посоветоваться с отцом, но он был на даче, где шел дождь, а в дождь у нас пропадала связь и отключалась антенна телевизора.

Мы с мамой подмели пол от осколков, задвинули ящики в мебели, стёрли серый дактилоскопический налёт. Скатали ковёр с кровавым пятном, поставили его в коридоре у стены... и делать стало абсолютно нечего. Мама села в кресло перед телевизором. По пятидесяти программам из двухсот стреляли или готовились стрелять. По остальным шла какая-то полукриминальная муть и тоскливые семейные разборки бесконечных сериалов.

Я легла на кровать. Вот только-только повезло, хотя через несчастье, и вот опять неприятности. А мне так хотелось удачи, хотелось влюбиться, и чтобы это чувство было взаимным. Хотелось общаться с интересными людьми, и самой быть интересной интересным людям...

Рядом со мной смешно похрапывала йоркширка, голубой бант сполз на левый глаз.

Глава 6

А мы без денег

Рано утром раздалось пять звонков в дверь, затем загромыхали ключи в замке. Я встала, надела халат и похромала в прихожую. В квартиру ввалился Григорий.

– Анастасия! Как я рад, что ты жива. А телефон включать надо, я же беспокоился.

– Ты потише, пожалуйста, кричи, мама спит. А откуда ты узнал... о случившемся?

Григорий снял пальто, и кинул мне на руки. Он начал снимать ботинки, неуклюже держась за стену, и только теперь я увидела, насколько он пьян.

– Киска моя, телевизор смотреть надо. Телеканал НТВ и передача «ЧП» сегодня с утра поведала столице и России о происшествии в твоей квартире, и просила всех, кто хоть что-нибудь знает, помочь в расследовании. Парень в тяжелом состоянии и не сможет говорить, как минимум месяц. У тебя рассол есть?

– Рассола нет. Есть «Мартини», коньяк, анисовая водка и виски.

– Точно, я же сам покупал на поминки. Пьяно-радостно заорал Григорий. – Настёна, как же тебе повезло!

– С телевидением? – Я не понимала оптимизма Григория, он меня раздражал. – Дядя Илюша, наверное, постарался.

– А кто у нас дядя Илюша?

– Он полковник полиции. Уже целую неделю. Что-то типа отдела по борьбе с организованной преступностью. Я же говорила, мы к нему с мамой ездили праздновать.

Григорий наморщил лоб и через секунду широко улыбнулся.

– Не помню. Но это здорово, когда дядя полковник. Текилу будешь?

– Крепких напитков не пью. Григорий, а как же вскрыли входную дверь? Мне Катя говорила, что охранная фирма, ставившая двери и сигнализацию, давала девяносто восемь процентов безопасности.

– Давала, – Согласился тётин приятель. – Но ты себе голову не забивай, пускай полиция разбирается, и, если выяснится, что был взлом, сдери с фирмы деньги. Они должны выплатить штраф, как минимум.

Я сварила себе кофе и с отвращением смотрела, как Григорий, достав из холодильника помидор, закусывал им принесённую текилу. Прямоугольная литровая бутылка, как мне показалось, занимала весь кухонный стол.

– Уберите, пожалуйста, бутылку, – попросила я.

– Лады, убираю. – Григорий переставил текилу к ножке стола. – Мама твоя спит ещё? Давай я пока с собакой по старой памяти погуляю. И включи телефон, наверняка знакомые интересуются, куда ты делась.

Как только я включила телефон, он переливисто зазвонил.

– Аллю.

– Настя ты хочешь меня в гроб ввести? Твой телефон не отвечает. – Усталый голос отца сжал мне сердце.

– Папочка, извини, я думала ты на даче.

Кашлянув, папа сдержанно ответил:

– На даче, Настя, тоже есть телевизор, и я видел выпуск криминальных новостей. Где твоя мамаша?

– Спит. Перепила вчера на дне рождения дяди Игоря.

– Разбуди.

Резво вскочив с дивана, мама перехватила у меня телефон и долго разговаривала с отцом. А я снова залезла в тётушкин сейф. Он был на треть заставлен коробочками с украшениями, но денег в нём не было ни копейки, ни доллара, ни рублика, ни еврика. А на что жить, если идти на нелюбимую работу не хотелось?

Лучше всего мне думается в ванной, и я отправилась туда.

Пока я бултыхалась в ароматной тёплой воде булькающей «джакузи», мама приготовила завтрак, а вернувшийся с выгула собаки Григорий, звонил в охранную фирму договариваться о смене замков.

Во время завтрака позвонила Мила и осторожно спросила, не случилось ли чего у меня? У неё на работе, в скучнейшем издательстве, одна тётка сказала, что утром по телевизору был сюжет о несостоявшемся ограблении где-то в районе Студенческой улицы. Там ещё собачку, йоркширского терьера, показывали.

– Мила, приезжай в гости вечером, я тебе новый адрес продиктую.

Отключив трубку, я внезапно вспомнила, что именно сегодня мне надо было выходить на работу, и поскакала в комнату переодеваться. Мама заглянула ко мне.

– Ты чего?

– Мне надо показаться на железобетонном комбинате. Продлю заявление об отпуске за свой счёт. У тебя есть деньги на такси?

Мама развела руки.

– Нет, всё вчера истратила. С ума сойти, такое наследство, и ни копейки денег. Григорий! Вы не дадите немного в долг? А то Насте надо доехать до работы!.. И мне на хлеб не помешает. С маслом.

Григорий вышел в коридор, вытирая салфеткой рот, достал из кармана две купюры по пять тысяч и молча протянул маме.

– Мы отдадим. – Мама честно смотрела на него.

– Да ладно, это не деньги. – Сморщился Григорий. – А вот на счёт продажи квартиры надо переговорить подробнее.

Я не стала слушать продолжения – мама легко скушает Григория и без моей помощи.

Как всегда, на работе уборщицы начинали громко здороваться со мной через всю длину коридора. Электрик Евгений вмялся при моём появлении в стену, и старался не дышать, надеясь, что утренний амбрэ не дойдёт до меня. Я никогда не ленилась прочитать ему лекцию о вреде алкоголя на рабочем месте, но сегодня было не до этого.

В заводууправлении я накатала заявление о ещё об одной неделе за свой счёт и быстро подписала его у замдиректора, мужика безвредного, кругленького, в сером костюмчике и считающего дни до выхода на пенсию. Объяснять ничего не надо было, мама уже позвонила, и пожаловалась на моё плохое самочувствие.

Выдав уборщицам очередную партию порошка и чистящих средств, я попросила слесаря, практически не пьющего и ответственного, присмотреть за оболдуем электриком, разрешила без моей подписи выполнить заявки по электролампочкам и мелкому ремонту в кабинетах, и разрешила Евгению оформить вместо болеющей второй месяц уборщицы, его жену.

Уборщица со второго этажа начала жаловаться на отсутствие хороших перчаток, но я уже вприпрыжку шла к проходной, хотелось домой и никогда не видеть ЖБК ни снаружи ни, тем более, изнутри.

– Я решила пока в Катиной квартире ничего не трогать. – Сообщила мне мама. – Не знаю уровня цен. Поеду к отцу на дачу, и там что-нибудь присмотрю для продажи, а то в холодильнике пусто.

Дожевывая бутерброд с подсохшим сыром, я пожелал ей удачи. Уже одетой, мама вернулась от двери.

– А квартиру придётся продать. Нехорошая она. Не зря, конечно, Гриша за неё такие деньги предлагает.

Я согласно покивала. Опять затрещал телефон, и пришлось отложить второй бутерброд. Звонил Сергей Дмитриевич, назначил мне встречу на завтра, на одиннадцать, в своём кабинете.

Что там мама говорила про квартиру? Нечисто здесь? А может, Катя действительно что-нибудь спрятала, и Григорий об этом знает? На сколько это «что-то» может потянуть, если Григорию не нужны ни дорогие картины, ни драгоценности?

Что можно спрятать в квартире небольшое по объёму? Та-ак. Деньги, наркотики, бриллианты, компы с информацией. Что ещё?

Стервочка пришла на кухню и смотрела на меня с осуждением. Вот так! Не успела она заснуть, как без неё завтракает.

Я спросила собаку: что же могла здесь спрятать Катя, но Стерва чихнула и твякнула, требуя завтрака. Я наложила ей в блюдце варёной телятины, и смотрела, как она ест кошачьими движениями. Уникальная собака, толку от неё никакого, стоит бешеные деньги, и люди готовы их отдавать, потому что с ней приятно общаться, смотреть на такую милую мордашку, и видеть преданные глаза.

Йоркширка доела мясо, пукнула и застучала тонкой лохматой лапой по полу, напоминая о прогулке.

На улице шел дождь со снегом. Гулять я решила, не выходя из-под козырька подъезда. Стерва в таких случаях очень быстро решала свои проблемы. Лавочка у подъезда была с одного конца сухая, и только я прицелилась сесть на неё, как послышался скулёрж моей собаки. Я в два прыжка запрыгнула за кусты.

Старый перекармливаемый пудель философски смотрел мутным взглядом на Стерву, а она сидела перед ним, и почему-то скулила. Хозяйка пуделя, толстая тетка, мерным голосом выговаривала обоим:

– Как не стыдно, пожилой пенсионер, а такие вещи делаешь.

Запыхавшись, я встала около огромной женщины, в фиолетовом плаще, между прочим, стоимостью за две мои зарплаты.

– Какие он вещи делает? – спросила я у рыжего пса.

– Наскакивает. Ему до встречи с собачим богом полграмма осталось, а он наскакивает. Испугал бедняжку.

Особенного любовного пыла и страсти в пуделе не наблюдалось. Он всё так же сидел перед Стервой, и она смотрела ему в глаза. Гипноз.

Сбоку потянуло табачным дымом. Обернувшись, я увидела вчерашнего парня, красавца. А вот и мой гипноз. Взгляда отрывать от него не хотелось. Нос с горбинкой, волнистые светлые длинные волосы до плеч. Парень плавным жестом, пропуская волосы сквозь пальцы, завёл пряди назад. В руке с сигаретой у него болтался собачий поводок... Значит, есть надежда ещё раз его увидеть.

Женщина дёрнула меня за рукав.

– ... Не говорят кто?

– Кто?

– Ну, грабитель твой. – Настойчивая тётка так внимательно смотрела на меня, что захотелось с нею поговорить.

– Не говорят, кто был тот парень. – Я пожала плечами под тонким пальто. – Документов при нём не было.

– Не страшно тебе спать-то в квартире после Кати? Душа, она сорок дней на земле ещё кружит.

– Пока не страшно. Тем более, что я скоро съеду с этой квартиры.

– Куда? – Женщина с тревогой посмотрела на меня. Самые любопытные пенсионерки в мире, это российские пенсионерки.

– Пока не знаю куда.

Мне разговор был не интересен, мне интереснее было смотреть левее. Парень широким жестом бросил сигарету в кусты, и пошел прочь. Я готова была идти следом. И уже сделала шаг... но тут Стерва очнулась и ломанулась к подъезду. Крикнув тетке: «До свидания», – я похромала за собакой.

В коридоре Стервочка отряхнулась, и, пока я снимала сапоги, убежала прятаться. Она терпеть не могла мыть лапы. Я, не спеша, надела тапочки и пошлёпала её отлавливать. Стерва спряталась за пальму в гостиной, и даже зарычала на меня.

– Иди сюда, лохматик.

Собака обнажила мелкие зубы, и сделала рывок в сторону. Я тоже сделала рывок, Стерва наткнулась на мою руку, оттолкнулась от неё, подпрыгнула и сбила полуметровое плоское керамическое кашпо на стене. Кашпо разломалось на куски. На моей руке остались три кровавые царапины. Стерва забилась под белую тумбочку, а я развернулась и пошла за веником.

Доставшаяся от Кати тумбочка для макияжа – мечта. Белого дуба, с большим овальным подвижным зеркалом, с ящичками для парфюмерии, небольшая, на гнутых ножках. Стервочка чувствовала себя под тумбочкой более, чем комфортно.

Ничего себе я взялась за наследство. Вчера столик стеклянный грохнула, сегодня кашпо ручной работы расколотила – так, глядишь, вернусь в прежнее полунищенское состояние.

Тщательно собрав крупные куски керамики и комья земли, я достала пылесос. Пострадавший плющ необходимо было пересаживать. Например, к пальме.

Потянув за ветку, я размотала длинное растение, и увидела в его корнях плоский полиэтиленовый пакет. Полиэтилен был очень плотный, и почти непрозрачный – но евро, они и в Африке евро.

Глава 7

Цветочная валюта

Пакет я распотрошила на кухне зазубренным ножом, и от волнения даже не порезалась. Пачка была в банковской упаковке. Значит здесь десять тысяч евро. Миленький цветочек рос у тётки на стене.

Я передумала пересаживать плющ. Наоборот, застелила пол газетами, подтащила к пальме два пустых пакета и переложила в них землю из керамической кадки. Землю пришлось копать мельхиоровой лопаткой для торта. В кадке ничего лишнего, в смысле денег, не оказалось. Обидно. Пришлось вернуть землю на место, и туда же вкопать плющ.

Та-ак. Что мы теперь имеем? Мы имеем возможность найти в цветах, или в иных предметах обстановки пачки полноценных европейских денег. Может из-за этого Григорий так хочет меня отсюда выселить?.. Но ведь все вещи мне отдавались не глядя. И цветочное кашпо тоже. Нелогично. Так что же, у Кати стены из золота что ли? Я подошла к стене и подцепила уголок. Под бумагой серел бетон, я постучала по нему, прислушалась. Стена типовая. Уж в этом я понимаю.

Пройдясь по квартире, я насчитала четвёрку больших цветов и десять маленьких. Мелкими были кактусы, не считая метрового в объёме монстра, который стоял возле компьютера в гостиной. Его я проверила вторым.

Ура! В нём тоже был запаянный четырёхугольник, но с купюрами по пятьдесят долларов. Радость моя была в два раза меньше, но, рассудив здраво, я решила представить самой себе, что первым бы разбила горшок с кактусом, тогда кашпо с плющом доставило бы мне радости в два раза больше.

На археологическо-цветочные раскопки ушел целый час. Стервочка смотрела за моими действиями с интересом, всё время пыталась помочь копать, и теперь походила не на элитную йоркширку, а на половую щётку после генеральной уборки в подземном переходе.

Позвонил папа, и взволнованным голосом доложил о задержке родителей сегодня на унаследованной даче, по причине их с мамой совместного желания произвести опись ценных предметов. Мне рекомендовалось пригласить к себе ночевать Милу, или любого другого человека приемлемого для достойного проведения вечернего досуга.

Вот такая речуга. Она означала, что папа немного выпил, мама жарит картошку на свиных шкварках, а в холодильнике охлаждается водка. Я заверила папу, что всенепременно прислушаюсь к его рекомендациям и нагоню полный дом гостей. А также пожелала им с мамой хорошо провести вечер и помириться. Папа промямлил благодарственные слова.

Мне кажется, что после разъезда с сестрой, когда Катя перестала ежедневно напоминать отцу об измене мамы, он стал чаще у нас бывать. А после смерти Кати, которая, кроме меня, была единственным знающим о мамином загуле человеком, папе стало некого стыдиться, и он опять потянулся к маме.

Они прожили вместе до развода двадцать восемь лет и не надоели друг другу. Мне не надо было об этом рассказывать, достаточно было видеть их по утрам, когда мама потягивалась, одной рукой нащупывала пульт телевизора, а другой тормошила сонного папу, у которого на щеке были видны розовые полоски наполовину от подушки, а наполовину от маминой ночнушки, в которую он утыкался во сне.

Наверное, к возрасту «ягодки», моей маме захотелось африканских страстей и дополнительных материальных субсидий, но для любовницы она была слишком властной.

Мне она не каялась в своих ошибках, не рыдала на плече, и у отца прощения не просила. Но иногда, ковыляя ночью в туалет через её комнату, я слышала, как она плакала. Она не

ревела в подушку, она лежала на спине, лицом в потолок, сдерживала вздохи, и вытирала слёзы со щёк.

Господи, да о чём я думаю! Родители разберутся в своих отношениях в любом случае, а я сегодня нашла клад!

Не знаю, как реагируют на найденные пятнадцать тысяч валюты миллионеры, я миллионеров мало встречала, практически ни одного, но моя радость перешла в другое качество. В раздумье. Куда потратить денежки? В принципе, это не проблема, тут моя мама справится за день, но мне тоже хотелось бы участвовать в этом нелёгком деле.

Надо настроиться и понять – чего же мне хочется больше всего? Квартира, машина, дача и тряпки, о которых я мечтала, теперь у меня есть. Чего у меня нет?.. Любимого человека. То есть для «перепиха» может подойти и Леонид, периодически приходящий в гости. Но как любимый человек он восприниматься не может, слишком много выпивает за вечер, и в постели думает только о себе.

Чего же я хочу ещё? Чтобы родители опять поженились! Но этого за деньги не сделаешь. А что можно за деньги? Операцию. Операцию, пятую по счёту, на моё многотрадальное колено. А на сколько она потянет? На много. Что из этого следует? А то, что пора браться за остальные цветочные горшки. Если там есть пачки хотя бы по пять и одному евро, то и это неплохо.

Как-то сам собой вспомнился вчерашний раненый парень. Скорее всего, его личность уже установили... Думать о нём было тяжело.

Взяв с кухни жостовский поднос с цветами-пионами, я пошла в спальню за остальными цветочными горшками.

Естественно, что телефон зазвонил именно тогда, когда я шла с тяжелым подносом, стараясь не упасть. Звонила Мила. Она, понизив голос, начала рассказывать о пользе регулярной половой жизни для женщины. Я с ней согласилась коротким: «Ну?», и Мила попросилась сегодня в гости вместе со своим вздыханным Шурочкой.

Для набивания себе цены, я выдержала её монолог о ценности человеческого общения ещё минуту, и согласилась принять сегодня в новой квартире не только Милу, но и Шуру. Мила замялась на секунду.

– А Леонид?

– Что Леонид?

– Шурка без него может отказаться.

– Ну и чёрт с ним, посидим вдвоём. Мне тебе надо многое рассказать.

– Настя! В отличие от тебя, я не фригидная эгоистка. Я с Шурой трахаться хочу!

Мила заорала в полный голос, и я представила реакцию окружающих её дам в консервативной редакции технического издательства, выпускающего нудные журналы о физике и математике.

Мне стало жалко Милу. Она не могла привести Шуру к себе домой. Там, как и у нас с мамой, тоже две комнаты, активнейшая мать, и ещё пятилетний сын Милы, Вовочка.

– Ладно, часам к семи подгребай со всей компанией. Можете ничего не покупать, сама сделаю стол – как новоселье, и поминки по моей любимой Кате.

– Спасибо, Настюша! Мы будем ровно в семь. Целую!

Пока я не поступила, с подачи Кати, в институт, я думала, что самая настойчивая и громкоголосая женщина в России, это моя мамочка. Но после посещения квартиры Милы, поняла, насколько ошибалась.

При обсуждении качества купленного мяса, Милина мама, не особо напрягаясь, перекрыла звук собственного работающего пылесоса и соседской дрели, долбящей в стену.

Мила тоже не особо сдерживалась при изложении своих мыслей. Иногда ей удавалось говорить тихо, происходило это на экзаменах, когда она не знала материала. Если, не дай Бог, в этот день она случайно подготовилась к вопросам, бедным преподавателям головная боль была обеспечена минимум на сутки.

Она говорила уверенно, рубила рукой воздух, и потряхивала головой с пушистыми русыми волосами. Перебивающих вопросов преподавателя она просто не слышала и излагала выученный, а иногда даже и понятый, материал до конца. Не справляясь со звуковым напором, гудели оконные стёкла аудитории и дрожали входные двери.

Одногруппникам не приходилось переспрашивать на какой вопрос ей пришлось отвечать – не услышать её ответ могли только прохожие на другой стороне улицы. Остановить Милу можно было придвинув к ней зачётку с вожденной четвёркой. При тройке Мила впадала в праведный гнев, и тихо орала, что бы ей задали дополнительный вопрос. Опытные преподаватели при её ответах выходили в коридор покурить.

При таких качествах в ней должно было быть не меньше центнера веса, как в её громкоголосой матери, но Мила весила от силы пятьдесят килограммов, в чём я ей искренне завидовала.

Перенеся в ванную остальные цветочные горшки, я выстроила их на дне треугольной «джакузи». Цветы стояли зелёным тёплым оазисом на газетном островке внутри белой ванны.

Это была самая необычная азартная игра. Я конвейерным способом опрокидывала землю из горшков, запускала пальцы, и разминала комки почвы, стараясь нащупать инородный предмет.

В корнях третьего растения, рогатого кактуса, была пачка по сто долларов. Я наспех вскрыла пачку, убедилась, что банковская упаковка не повреждена – а значит, здесь сто купюр, отложила деньги на стиральную машину, и осторожно принялась за следующие горшки. Но они оказались пустыми.

В чувство меня привёл звон настенных часов. Блин, половина седьмого! Я метнулась в ванную и быстро утрамбовала землю и цветы обратно по горшкам.

Расставив цветы по прежним местам, я тщательно вымыла ванну, подкрасилась, надела серебристые брюки, а сверху китайский розовый шелковый халат с вышитыми на спине тростниками и хижинами с загнутыми крышами. Скрепила халат на груди огромной серебряной брошью. Грудь полукружьями вываливалась из тесного халата. Вот я какая стала! О-го-го! Сексуальненько!

Глава 8

Вечерний тусняк

Мила и ребята приехали в половине восьмого. Шура, смазливый парень тридцати лет, рыжий и наглый, протянул мне тортик размером с детский кубик. Леонид, одноклассник Шуры, мой изредка приходящий любовник, на двадцать килограммов толще, с внешностью «Ваня-Дурачок», держал в руке что-то вроде цветка. В пластмассовый цветочный стакан был втиснут огрызок традесканции. Такими подарками по пятьдесят рублей штука торгуют старушки у метро.

Пока я рассматривала цветок, мои гости замерли на пороге, и рты их открылись до неприличия. Стоять в шелковом халате при открытой входной двери было холодно, и я втащила гостей в прихожую.

– Проходите, будем ужинать, но чуть позже.

– Настька, обалдеть, как выглядишь! – Мила это сказала в полголоса, но спящая в кресле Стерва вздрогнула, и с испугу тьякнула на вошедших.

– Ой, какая красотиля!

На ходу скинув куртку, Мила стала ловить Стерву, но та привыкла к тишине в доме и сбежала в спальню.

Шура и Леонид, непривычно пришибленные, чинно разделись и, почему-то поклонившись мне, вошли в гостиную.

Расставить по местам цветы, после бухгалтерской инспекции я успела, а вот накрыть стол – нет.

– Мила, у меня два важных дела случайно образовались, с ужином пока не получилось. – Сообщила я. – Но я предлагаю такой вариант. Вы разбираетесь с гарниром и сервировкой, а я быстро иду в магазин, он в соседнем доме.

Шура и Леонид синхронно и согласно закивали, Мила с не закрывшимся ртом разглядывала обстановку.

– Твою мать, Настька! Зашибись, какая квартира.

Это Мила сказала очень тихо, а мне на секунду показалось, что в её голосе появилась обида, а в глазу чёрная искра зависти.

– Да, Милочка, квартира хорошая, но придётся менять. – Устало вздохнула я. – У меня трудности, всё не так радужно, как выглядит, – вон видишь, кровь на полу. До сих пор мама не может до конца оттереть. Но давай об этом потом.

Мила, повеселевшая при слове «трудности», поцеловала меня в щёку.

– Ладно, беги, в магазин. Настюша, беги, а то мужики обидятся, мы же после работы, голодные. Мы у метро от сосисок в тесте отказались, берегли животы для застолья.

Я надела пальто на халат и надела привычные кроссовки.

В сбербанке поменяла двести евро, и впервые прошла по соседнему супермаркету, ни в чём себе не отказывая. Конечно, не стала покупать чёрную икру и французское шампанское, но нарезанную колбасу двух сортов, сыр и киевских котлет прикупила. Ещё набрала различных соусов, конфет и фруктов.

Из прихожей я сразу, не раздеваясь, прошла в гостиную.

Как и ожидала, Мила приготовила картофельное пюре и нарезала овощей для салата, а два приятеля сидели за столом, смотрели телевизор и активно потребляли мартини с водкой. Поставив тяжелые пакеты у ног ребят, я постучала вилкой по хрустальному бокалу.

– Господа! Приказываю строем и рысью направиться на кухню и приготовить закуски. О спиртном, пока мы все не сядем за стол, забыть. Приказ понят?

Шура среагировал первым, вскочил и вытянулся во фронт.

– Есть, та-ариш енерал.

Леонид тоже выбрался из-за стола, но не так молодцевато. Подхватив пакеты, ребята промаршеровали на кухню.

Удивлённая моим громким голосом, а я повышаю голос крайне редко, Мила, встретила ошарашенным взглядом Леонида и Шуру. Мила собралась активно им помогать в готовке, но я зашипела: «Они сами», – и поманила ее за собой.

Стервочка, вышедшая из спальни, неспешно направилась в сторону кухни. Новые люди в квартире, по её личным наблюдениям, на первых порах заигрывали с ней. Наивная собака. Давно замечено, что мужчины отдают вкусные куски домашним животным только в присутствии женщин.

Мы прошли через гостиную, и я открыла дверь лоджии. Мила начала и здесь охать от восхищения, рассматривая стены, отделанные резным деревом, но я её охолонила.

– Мы здесь не за этим.

Подняв в углу лоджии крышку в полу, я кивнула в открывшийся прямоугольник с автоматически зажегшейся подсветкой.

– Лезь, там подпол. Выбери огурчики, варенье, и ещё что-нибудь. Не хочу туда ребят посылать, там стоят две бочки с вином.

Мила радостно ойкнула, и быстро исчезла в погребе. Через несколько минут, в которые я прослушала громкие вскрики восхищения из-под земли, на полу лоджии стояли нужные банки.

– Да, с таки погребом, – Мила легко вылезла из подпола, – можно запросто пережить пару-тройку экономических кризисов.

Я гордо согласилась, и мы, прихватив банки, пошли к ребятам на кухню.

Два увальня разложили закуску по тарелкам, не забыв украсить зеленью и подровнять неровно лежащий хлеб, нарезанный Милой. Заодно они заправили майонезом салат, и соорудили сверху его мухомор из яйца и помидора.

Первый тост выпили, не чокаясь, за Катю.

Через полчаса вино и водка взяли своё, и мы свернули на привычную программу. Пили за новую квартиру, друг за друга, за взаимопонимание и так далее. За месяц, что мы не виделись, накопилось много новостей.

Мила подыскала себе новую работу, но место освободится только к концу следующего месяца. Шурик похвалился повышением в должности в парке такси, где он стал бригадиром. Леонид встрял с рассказом о случае на работе, когда один мужик сдуру купил билет Русского лото, и выиграл почти штуку баксов.

Я, как и все, сделала удивлённого-завистливое лицо. Найденные сегодня деньги лежали в сейфе Кати, расположенном под картиной Петрова-Водкина, и оттуда грели мне душу.

Все стали вспоминать случаи крупных и мелких выигрышей, находки кошельков на улице, или золотых украшений в общественных туалетах и на пляже Серебряного Бора. Я слушала с интересом. Меня раздирало желание похвалиться, но я девушка начитанная, я знаю, что после первого шока радости последует огромная, искренняя Чёрная Зависть.

Постепенно мы перешли на более страшные случаи. Выключили верхний свет и зажгли свечи. Заговорили о вещих снах, о привидениях и убийствах. Мила с расширенными от любопытства и Мартини глазами спросила, не посещает ли меня Катя. Я замахала руками, сплёвывая через левое плечо. Но не выдержала, заплакала.

– А вчера в это самое время вон там, у окна, лежал раненый парень. – Сквозь слезы проговорила я. – Лет двадцати. Кровищи было... Жалко его. И меня.

Шура и Леонид замерли с рюмками в руках, Мила хлопнула ладонью по столу.

– Мужики, я же ей и позвонила с утра, как только услышала об этом. По телевизору три раза показывали в новостях, но я не знала о новом адресе Насти.

Начались расспросы и комментирование происшествия.

Я рассказывала о вечере у дяди, о полиции, о «скорой». А перед глазами был молодой парень с простреленной шеей и пятно на персидском ковре. Мне стало совсем плохо, и я разревелась в голос. Мила пересела ближе и утешала, размазывая слёзы по моему лицу.

Шура с серьёзным лицом изрёк Соломоновское: «Всё проходит, и это пройдёт», и предложил выпить. Мы молча выпили. Я оглянулась. Квартира показалась чужой. Надо продавать и не сомневаться.

Ночью Леонид не всегда забывал обо мне, и даже не очень потел. Мы спали с ним в гостиной на диване. Мила и Шура проверяли на прочность кровать в спальне.

Стерва, из любопытства забравшаяся в спальню, оттуда не уходила, и подвывала при самых страстных вскриках Милы. Я при этом чуть не падала с дивана от хохота, Леонид просил меня не отвлекаться.

Глава 9

Познакомилась

На следующее утро болела голова и скулила Стерва. Я совершенно забыла, что собаку надо выгулять. Стервочка села перед диваном, и осуждающе смотрела мне в глаза.

Пришлось вставать. Леонид спал, или делал вид. Одеяло с него наполовину слезло, талия мягко переходила в живот, лежащий дополнительным полушаром на простыне. Мне кажется, что у женщин это выглядит эстетичнее.

Стерва, настойчиво взвизгнув, напомнила о себе. Я, с полужакрытыми глазами, натянула джинсы, носки, два тёплых свитера и старую куртку. Получился толстый пузик.

Погода на улице начала октября была что называется «займи, но выпей». Небо серое, сыпал дождь со снегом.

Рвущаяся на улицу Стерва бодро сбежала с лестницы, и потрусилась к кустам под окнами с последними поникшими золотистыми листьями.

Понимая, как сегодня будут страдать мои гости, я сходила в палатку, где круглосуточно продавали пиво по двойной цене, и купила три бутылки.

У дома холодный ветер метнул в лицо горсть мокрого снега, глаза на секунду закрылись. Сзади хлопнула подъездная дверь, и меня толкнула пронёсшаяся мимо четырёхлапая махина. Я упала выставив на холодный асфальт ладони, защищая лицо от удара.

Пролетевшее мимо существо вернулось, уселось на асфальте напротив меня и с интересом смотрело на мои попытки подняться. Это была огромная тёмно-серая собака, мастиф-неополетно. Ухоженная такая собачка, лоснилась от перекарма.

На сегодня из серьёзных дел необходимо было заехать к Сергею Дмитриевичу, посмотреть какие-то фотографии, и узнать в клинике о примерной сумме за операцию на колене.

В одиннадцать я чувствовала себя вполне сносно. А вот Сергей Дмитриевич, хоть и выглядел в своём кабинете весьма солидно, явно вчера не кефир на ночь пил.

Майор положил на протокол допроса несколько фотографий.

– Узнаёшь?

На одной из них за праздничным столом сидела компания, старательно смотревшая в объектив. На другой фотке сильно накрашенная девушка с сигаретой в руках, оседлав лежащего на полу парня, делала вид, что ей весело. Парень, изогнувшись, пялился со счастливой улыбкой на фотографа.

– Это что, он? – Спросила я, узнав пострадавшего.

Сергей Дмитриевич посмотрел на меня поверх очков.

– Он. Игорь Евгеньевич Пирожкин. Компания на этой фотографии, его близкие друзья, банда, так сказать. Они угоняли машины, подсылая своих девушек. Схема самая простая, без затей. Вечером, подвыпившая весёлая девушка ехала с мужчиной в тёмное, лесистое место, или в глухой двор. Там предлагала за проезд расплатиться натурой. Во время подготовки процесса, то есть её раздевания, к машине подходили ребята, фотографировали сцену и выкидывали владельца из автомобиля. Если пострадавший слишком рьяно начинал искать угнанную машину, ему домой высылался самый откровенный снимок... В начале года все, кроме Игоря, сели. Его случайно не было при милицейской операции с подсадной уткой, страдал похмельем на даче у очередной девушки «облегчённого» поведения.

Следователь говорил устало, иногда снимал очки и сильно тёр глаза. Мне стало его жалко, и я вспомнила о бутылке, оставшейся в сумке.

– Сергей Дмитриевич, у меня пиво есть. Хотите?

– Не положено. – Зевнув, следователь прикрыл рот рукой. – Давай пиво, но не проболтайся своему дяде.

Я достала из сумки бутылку и протянула следователю.

– А что тот парень делала в квартире Кати?

– Он пытался забрать сумку с документами и ноутбук. Документы – вот они. На квартиру, на машину, на фирму. Мы копии сняли. А ноутбук пока придержим. – Следователь подвинул ко мне по столу прозрачную папку с бумагами. – Под заказ парень работал, что-то искал.

Допив пиво, Сергей Дмитриевич закурил, но увидев, как я сморщилась, затушил сигарету.

– Вчера ничего особенного не случилось? Криминального? – Спросил он.

– Нет. – Честно призналась я. – Мама с папой даже не ругались по телефону.

– Это хорошо. Ладно, Настя, иди. Будет что нового – звони, телефон знаешь.

Я убрала пустую бутылку в пакет, проговорила дежурное «спасибо», и с удовольствием вышла из казённого учреждения с пустыми коридорами.

Домой поехала на такси, могла теперь себе позволить.

Дома папа дремал перед телевизором. Настроение резко пошло вверх, и очень захотелось погулять с собакой. Я не врала себе, мечтала «случайно» показаться тому парню с мастифом-неополитано не в утреннем затрапезном виде, а подготовленной.

Мама и Мила слаженно мыли посуду, обсуждали растущие цены на продукты, одежду и тему – где взять денег. Слушать их не было сил.

Перед выходом на улицу зубы были почищены два раза, косметика подправлена. Лицо смотрело из зеркала почти осмысленно, глаза не косили, руки не дрожали. Новые спортивные ботинки, горнолыжная серебристо-чёрная куртка. Я готова.

Тихо сняв с папиных колен Стерву, я вышла на улицу. Протопала два круга вокруг дома. Интересующий меня объект отсутствовал. А жаль. Погода к середине дня разгулялась, солнце припекало, высушивая асфальт и золотистые листья.

Днём любителей прогулок на собачьем поводке было мало, около нашего дома ни одного. Я решила не расстраиваться и вернуться в квартиру.

У подъезда, глядя в лужу у себя под ногами, сидел на лавочке и курил утренний парень. Его огромной собаки рядом не наблюдалось, и парень не отвлекался ни на что, сосредоточился на своём отражении в дождевой воде. Но я знала, как привлечь к себе внимание, и обернулась к собаке.

– Стерва, иди сюда, милая. Стервочка, перестань есть всякую гадость.

Не пришлось даже голоса повышать. Парень смотрел на меня и собаку озадаченно.

– Слушай, ты сама её так назвать догадалась, или кто посоветовал?

– Её так назвала тётя. А как вашего борова зовут?

– Аля, Алевтина.

Я махнула рукой, не веря. В кустах появилась огромная морда мастифа, и уставилась на нас со Стервой плотоядным взглядом. Парень поцокал языком, и пятидесятикилограммовая машина, осторожно обойдя нас, уселась рядом с лавочкой, восторженно глядя на хозяина.

Я примерно так же была готова смотреть на парня, но сдерживалась.

Говорят, что для того, чтобы пожениться, люди должны подольше и получше узнать друг друга, проверить чувства. Может быть. Для женитьбы. Для того, чтобы захотеть мужчину – сильно, до головокружения и дрожи в животе, достаточно пары минут. Во всяком случае, так произошло сейчас у меня.

– А как вас зовут? – Не удержалась я.

– Алексеем. А тебя как?

– Анастасия.

– Насть, ты вечером во сколько гулять выходишь?

– Вечером?

Что ему ответить? Что мне и сейчас уходить не хочется? Что я готова стоять перед ним до завтрашнего утра, только бы видеть его и слышать?

– Вечером как получится, но сегодня, ради вас, могу выйти ровно в восемь. Устраивает?

– Устраивает, – согласился парень. – Но лучше в девять.

Тем временем Стерва нагло обнюхивала огромную псину, не смеющую перекусить её в одно сжатие челюсти в присутствии хозяина.

Я подхватила свою собачонку и прошла мимо Алексея, изо всех сил стараясь не показать, насколько мне бы сейчас хотелось вместо мастифши сидеть у его ног, а потом дожидаться приглашения в квартиру и там наблюдать за его жизнью. Может, он иногда бы меня гладил...

Глава 10

Ещё одно знакомство

Дома я отдала маме на руки Стерву для мытья грязных лап, пока собака не забилась под тумбочку с зеркалом.

На кухне было чисто, посуда стояла на своих местах, строй пустых бутылок из угла исчез. Мила разговаривала по телефону, прикрыв трубку рукой.

– К ней сейчас нельзя, родители... Не знаю... Вряд ли.

Я тоже подтвердила, что «вряд ли». Видеть и сегодня Шурика с Леонидом было бы слишком тяжело даже для моей устойчивой нервной системы.

Мила чмокнула меня в щёку, поблагодарила за вчерашний вечер, и убежала на работу и встречу с Шуриком.

Времени было всего два часа дня. Впереди семь часов ожидания до вечерней прогулки.

В половине третьего я и родители сели за стол на кухне, достали остатки вчерашней закуски и разлили травяной чай. Отец смотрел на меня с сочувствием.

– Ну, доча, расскажи нам, что там следовательно тебе наговорил.

И я выдала им версию Сергея Дмитриевича о раненом Игоре Пирожкине, занимающемся, в свободное от досуга время, угоном легкового транспорта. А досуг парень проводил в компании более старших молодых людей. Их связывали совместные попойки, покурки и пое... Подрастающий бандит, короче говоря. В квартиру он залез по наводке, искал что-то конкретное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.